

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием адвоката С., её представителя - адвоката Л. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы; удостоверение № ... выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве 11 марта 2003 года; ордер от 20 июня 2022 года № ...), рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по частному постановлению С. районного суда города К. (судья Г.) от 07 сентября 2021 года (вх. № ... от 04.05.2022) в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 22 июня 2022 года дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по частному постановлению С. районного суда города К. (судья Г.) от 07 сентября 2021 года (вх. № ... от 04.05.2022), подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат С. и её представитель – адвокат Л. в заседании Совета подтвердили своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии полностью согласились.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так установлено, что 31 августа 2021 года вердиктом коллегии присяжных заседателей С. районного суда г. К. подсудимый Б. признан виновным по ст. 17, п.п. «з, н» ст. 102 УК РСФСР. Защиту подсудимого Б. осуществляли адвокаты П. и С.

Из частного постановления С. районного суда г. К. от 07 сентября 2021 года, вынесенного председательствовавшей по делу судьёй Г. (вх. № ... от 04.05.2022), следует, что против адвоката С. выдвинуты дисциплинарные

обвинения в нарушении требований пп. 7 п. 1 ст. 9 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с иными нормами Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката. Это нарушение, по мнению суда, выразилось в неоднократном нарушении адвокатом С. *«общих условий судебного разбирательства, порядка судебного заседания, процедуры и профессиональной этики»*, неподчинении распоряжениям председательствующего, *«пререканиш»* с ним, *«некорректной критике»* его действий, а также попытках создать *«впечатление их противозаконности»*.

Систематизация выдвинутых заявителем против адвоката С. дисциплинарных обвинений позволяет объединить их в две группы:

- высказывания адвоката С. в процессе разбирательства дела, умаляющие честь и достоинство участников судебного разбирательства, а также свидетельствующие о проявлении неуважения к ним;

- несоблюдение адвокатом С. требований уголовно - процессуального законодательства.

При этом, по мнению суда, адвокат С. действовала с определенной целью: *«вызвать у присяжных заседателей предубеждение и незаконным способом повлиять на принятие ими решения по делу, а также с целью дискредитации действий председательствующего»*.

Совет, оценивая доводы частного постановления, а также позицию адвоката С., при оценке поведения последней исходит, прежде всего, из предписания Кодекса профессиональной этики адвоката о том, что при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан активно защищать права, свободы и интересы доверителей (п.1 ст.8). При этом, как уже неоднократно отмечалось органами адвокатского самоуправления, *«в отстаивании интересов доверителя адвокат может проявлять не всегда устраивающую суд активность: заявлять многочисленные ходатайства, возражения на действия председательствующего и т.д., однако это не может свидетельствовать о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку такие способы реализации адвокатом-защитником процессуальных прав предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством»* (Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С.205).

Рассматривая с указанных позиций первую группу дисциплинарных обвинений, Совет не усматривает из приведенной заявителем информации проявлений адвокатом С. неуважения к суду, как и её высказываний, умаляющих честь и достоинство участников судебного разбирательства. Содержащееся в частном постановлении утверждение о нарушении адвокатом С. требований пп. 7 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в неуважительных по отношению к участникам судебного разбирательства высказываниях, не конкретизировано: не указано,

какие именно высказывания адвоката С. рассматриваются заявителем как умаляющие честь и достоинство других участников судебного разбирательства. При этом никто из других участников судебного разбирательства по данному делу с подобными претензиями к адвокату С. в Адвокатскую палату города Москвы не обращался.

В подобных случаях дисциплинарные органы адвокатского самоуправления последовательно исходят из того, что «...*Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении*» (Указ. Сборник. С.192-193).

Анализ приложенных к обращению материалов, включая выписки из протокола судебного заседания С. районного суда г. К. по уголовному делу в отношении Б., приводит Совет, как и Квалификационную комиссию, к выводу о том, что высказывания адвоката С. не выходили за рамки исполнения ею своих профессиональных обязанностей защитника.

Обращает на себя внимание, что и сам заявитель не относит конкретные высказывания адвоката С. к умаляющим честь и достоинство какого-либо участника судебного разбирательства, поскольку интерпретирует их лишь как «*возмущение изложенным председательствующему*» (в части высказываний: «*Можно я поясню, что все наоборот в схеме?*»; «*Вы что не хотите чтобы они узнали?*») и «*возмущение законным требованиям председательствующего*» (в части высказывания: «*Откуда вы это берете?*»). Данные высказывания указывают на несогласие адвоката С. с действиями председательствующего, однако само по себе выражение защитником несогласия с действиями председательствующего не свидетельствует ни о проявлении неуважения к суду, ни об умалении чести и достоинства председательствующего. Выражение такого несогласия является правом защитника, которое было реализовано адвокатом С. в корректной форме, с соблюдением профессионально-этических требований.

В соответствии с п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокат не может быть привлечён к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, дисциплинарные обвинения в отношении адвоката С. как в высказываниях, умаляющих честь и достоинство участников судебного разбирательства, так и в проявлении ею неуважения к суду и лицам, участвующим в деле, подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства не нашли.

Неисполнение (нарушение) требований уголовно-процессуального закона, по мнению заявителя, выразилось в том, что адвокат С. нарушала регламент судебного заседания, неоднократно разъясняла присяжным заседателям закон, а именно – принцип презумпции невиновности, задавала кандидатам в присяжные заседатели вопросы, *«не имеющие отношения к процедуре отбора присяжных заседателей»*, допускала высказывания относительно порядка исследования доказательств, без предварительного разрешения председательствующего обращалась к суду с просьбой *«дать свидетелю листочек»*, неоднократно обсуждала в судебном заседании в присутствии присяжных заседателей *«вопросы процессуального характера»*, *«пререкалась»* с председательствующим, а также комментировала ход судебного процесса в средствах массовой информации и в сети Интернет *«в недопустимой форме»*.

Анализируя эту группу дисциплинарных обвинений, Совет, прежде всего, отмечает, что понятие *«регламент судебного заседания»* не может толковаться расширительно и не предполагает обязанности участвующего в уголовном судопроизводстве в качестве защитника адвоката следовать любым указаниям председательствующего, не подвергая их критической оценке. Иное толкование не основано на смысле и содержании уголовно-процессуального закона. Более того, ч. 3 ст. 243 УПК РФ предоставляет право защитнику, равно как и любому участнику судебного разбирательства, возражать против действий председательствующего, и такие возражения подлежат обязательному занесению в протокол судебного заседания. При этом закон не предъявляет каких-либо специальных требований к форме и содержанию таких возражений.

В частном постановлении и приложенных к нему материалах не содержится сведений о нарушении адвокатом С. требований ст. 257 УПК, которыми установлен регламент судебного заседания.

По этим причинам описанные в частном постановлении действия адвоката С., квалифицированные заявителем как *«пререкания с председательствующим»*, не могут быть расценены как нарушения регламента судебного заседания или норм УПК РФ.

Кроме того, в частном постановлении указывается, что 12 апреля 2021 года, при отборе коллегии присяжных заседателей, адвокат С. задавала кандидатам дублирующие вопросы, не имеющие отношения к фактическим обстоятельствам дела, в частности, *«об участии кандидатов в выборах федеральных властей, президента, поправок в Конституцию, о принятии участия в присоединении Крыма»*.

Совет, оценивая данный довод заявителя, руководствуется положениями ч. 8 ст. 328 УПК РФ, разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, содержащимися в его Постановлении от 22.11.2005 № 23 *«О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей»*, а также учитывает не опровергнутые заявителем объяснения адвоката С. о том, что заданные ею кандидатам в присяжные заседатели вопросы были

направлены как на реализацию предусмотренного ч.ч. 12-16 ст. 328 УПК РФ права на заявление немотивированных отводов присяжных заседателей, так и на выявление обстоятельств, являющихся основанием для роспуска коллегии присяжных заседателей ввиду тенденциозности ее состава.

При этом Совет отмечает, что реализация председательствующим предоставленного ему уголовно-процессуальным законом права отклонить вопрос стороны как не имеющий отношения к выяснению существенных обстоятельств сама по себе не свидетельствуют о том, что вопрос адвоката-защитника действительно не имел отношения к выяснению обстоятельств, поскольку процессуальное решение об отклонении вопроса является результатом субъективной оценки правоприменителя, тогда как исчерпывающий перечень допустимых вопросов кандидатам в присяжные заседатели законом не определен.

Дисциплинарные претензии заявителя к содержанию вступительного заявления адвоката С. сводятся к тому, что она подвергла критике версию стороны обвинения. Между тем, согласно ч. 3 ст. 335 УПК РФ, во вступительном заявлении *«защитник высказывает согласованную с подсудимым позицию по предъявленному обвинению и мнение о порядке исследования представленных им доказательств»*. Поэтому выражение адвокатом-защитником позиции в ситуации, когда подзащитный не признаёт вину и оспаривает обвинение, неотделимо от критики обвинения. Более того, эта критика и её обоснование являются важнейшей профессиональной обязанностью адвоката-защитника в таких случаях. Иное поведение адвоката-защитника означало бы ненадлежащее исполнение им основополагающей обязанности: честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещёнными законодательством средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

По этой причине Совет, соглашаясь с Комиссией, не усматривает каких-либо нарушений требований законодательства или профессиональной этики адвоката в том, что адвокат С. в своем вступительном заявлении подвергла критике версию обвинения, заявив о ее *«неубедительности»* по причине *«пренебрежительного отношения к фактам, деталям и обстоятельствам произошедших событий»*.

По этой же причине Совет не может согласиться с доводом частного постановления о недопустимом, по мнению заявителя, *«разъяснении сути презумпции невиновности»*, сделанном адвокатом С. Признавая данную презумпцию *«фундаментальным правом для граждан согласно Конституции Российской Федерации»*, заявитель не указывает, каким образом проявленная адвокатом С. настойчивость в разъяснении присяжным заседателям сути этого фундаментального права и одного из основополагающих конституционно значимых принципов уголовного процесса нарушала требования закона, могла вызвать *«предубеждение»* присяжных и воспрепятствовать достижению целей уголовного

судопроизводства.

Рассматривая доводы обращения о том, что адвокат С. задавала свидетелям *«недопустимые вопросы»*, *«не имеющие отношения к делу»*, Совет не находит оснований для вывода о том, что эти вопросы заведомо не имели отношения к существу разбирательства, а их постановка адвокатом С. нарушала требования законодательства. Напротив, согласно объяснениям адвоката С., данные вопросы относились к выяснению фактических обстоятельств дела и были обусловлены избранной тактикой защиты.

Оценка заявителем отдельных вопросов, заданных адвокатом С. свидетелям и эксперту, как *«неуместных»* и *«относящимися к процедуре собирания доказательств»*, является результатом толкования норм уголовно-процессуального закона, не отражающим их содержание. Кроме того, признание председательствующим какого-либо вопроса, заданного адвокатом-защитником, неуместным или несвоевременным само по себе не свидетельствует о нарушении адвокатом законодательства или норм профессиональной этики.

Не может быть признано дисциплинарным нарушением и обращенное к председательствующему требование адвоката С. о разъяснении свидетелю М. примечания к ст. 308 УК РФ. Согласно ст. 278 УПК РФ перед допросом свидетеля председательствующий разъясняет ему права, обязанности и ответственность, предусмотренные ст. 56 УПК РФ, часть 8 которой предусматривает, что за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний свидетель несет ответственность в соответствии со ст. 307 и 308 УК РФ. Поскольку согласно ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, к профессиональным обязанностям адвоката относится *«следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении»*, адвокат С., исходя из положений ст. 278 УПК РФ, была вправе требовать разъяснения свидетелю вышеуказанных норм в полном объеме.

Не содержат состава дисциплинарного проступка и заявления адвоката С. относительно исследования доказательств, в том числе и при допросе эксперта З. Исходя из установленных в результате дисциплинарного разбирательства обстоятельств, Совет не усматривает оснований для вывода о том, что данные заявления адвоката С. свидетельствуют о постановке ею вопроса о недопустимости доказательств в присутствии присяжных заседателей.

Комиссия в своём Заключении правильно указала на то, что ни особенности судебного следствия по делам с участием присяжных заседателей, ни полномочия председательствующего по руководству судебным заседанием не предполагают возможности ограничения состязательности и равноправия сторон в ходе судебного разбирательства, а толкование правоприменителем положений уголовно-процессуального закона не может накладывать на профессиональное поведение адвоката-защитника не предусмотренные законом ограничения. Действия адвоката-защитника, идущие вразрез с таким неосновательным толкованием, не могут

являться основанием привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, поскольку они не являются нарушениями норм процессуального законодательства.

Проверка и оценка доказательств по критериям их относимости и достоверности предполагает выяснение мнений как представившей его стороны, так и других участников судопроизводства. Именно поэтому уголовно-процессуальный закон не предполагает и не может требовать пассивного поведения участников уголовного судопроизводства в этом процессе.

По этим причинам нельзя признать обоснованным довод заявителя о нарушении адвокатом С. положений уголовно-процессуального закона (в том числе и ст. 257 УПК РФ) в связи с ее высказываниями относительно просматриваемых в судебном заседании видеоматериалов и других исследуемых доказательств.

Согласно ч. 6 ст. 335 УПК РФ недопустимо рассмотрение в присутствии присяжных заседателей вопросов о недопустимости доказательств. В частном постановлении и приложенных к нему материалах таких сведений не содержится. Что касается довода заявителя об обсуждении адвокатом С. вопросов *«процессуального характера»* в присутствии присяжных заседателей, то они не свидетельствуют о нарушении адвокатом каких-либо требований уголовно-процессуального закона, тем более что положения ст. 335 УПК РФ понятий *«процессуальные вопросы»* и *«вопросы процессуального характера»* вовсе не содержат.

Между тем исключение из сферы внимания присяжных заседателей любых вопросов процессуального характера не может быть обеспечено в практических условиях, поскольку деятельность всех участников уголовного судопроизводства является процессуальной по своей природе, и в ходе разбирательства уголовного дела она осуществляется с соблюдением нормативно установленных процедурных правил.

Совет соглашается с Комиссией и в том, что при разбирательстве дисциплинарного дела не были выявлены основания для вывода о нарушении адвокатом С. требований профессиональной этики в связи с прочими дисциплинарными обвинениями, в том числе о доведении до присяжных заседателей сведений, способных вызвать их предубеждение о подсудимом. Оценочный характер таких критериев исключает возможность их применения при оценке действий адвоката на соответствие требованиям профессиональной этики.

Не могут быть признаны обоснованными и доводы обращения о комментировании адвокатом С. хода судебного процесса в СМИ и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» *«в недопустимой форме»*. Согласно п. 4 ч. 2 ст. 333 УПК РФ, присяжные не вправе *«собирать сведения по уголовному делу вне судебного заседания»*. В силу ч. 4 ст. 333 УПК РФ, *«председательствующий предупреждает присяжных заседателей о том, что в случае нарушения требований, предусмотренных частью второй настоящей статьи, присяжный заседатель может быть*

отстранен от дальнейшего участия в рассмотрении уголовного дела по инициативе судьи или по ходатайству сторон. В этом случае отстраненный присяжный заседатель заменяется запасным». Между тем, данных об отстранении присяжных заседателей в связи с нарушением кем-либо из них этих требований, тем более - в связи с действиями адвоката С., заявителем не представлено.

Вместе с тем, согласно ст. 241 УПК РФ гласность является одним из общих условий судебного разбирательства, в связи с чем взаимодействие адвоката со средствами массовой информации не может быть ограничено произвольным образом, в том числе и при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Сведений о том, что уголовное дело рассматривалось в закрытом судебном заседании, в материалах дисциплинарного производства не имеется.

Согласно ч. 2 ст. 258 УПК РФ *«при неподчинении обвинителя или защитника распоряжениям председательствующего слушание уголовного дела по определению или постановлению суда может быть отложено, если не представляется возможным без ущерба для уголовного дела заменить данное лицо другим. Одновременно суд сообщает об этом вышестоящему прокурору или в адвокатскую палату соответственно».* Между тем, описанные в частном постановлении действия адвоката С. совершались неоднократно на протяжении длительного времени, начиная с 12 апреля 2021 года. Однако рассматриваемое частное постановление было вынесено только 07 сентября 2021 года и поступило в Адвокатскую палату города Москвы лишь 04 мая 2022 года. Сведений о применении председательствующим полномочий, предусмотренных ст. 258 УПК РФ, в частном постановлении и приложенных к нему материалах не приведено.

Данные обстоятельства указывают на то, что приведенные действия адвоката С., описанные в частном постановлении, в ходе судебного разбирательства не рассматривались председательствующим как неподчинение защитника его распоряжениям, препятствующее слушанию уголовного дела.

По этой причине дисциплинарное обвинение в том, что поведение адвоката С. приводило к нарушению *«общих условий судебного разбирательства»*, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, также признаёт необоснованным.

Анализ содержания частного постановления и установленные в ходе дисциплинарного разбирательства обстоятельства не подтверждают утверждение заявителя о целях действий адвоката С.: *«вызвать у присяжных заседателей предубеждение и незаконным способом повлиять на принятие ими решения по делу, а также с целью дискредитации действий председательствующего».*

Описанные в частном постановлении действия адвоката С. свидетельствуют об исполнении ею профессиональных обязанностей перед доверителем Б., в то время как утверждение о наличии у неё иных целей какими-либо доказательствами не подтверждено.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката С. неопровергнутой в отношении всех дисциплинарных обвинений.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по частному постановлению С. районного суда города К. (судья Г.) от 07 сентября 2021 года (вх. № ... от 04.05.2022), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков